

Геннадий Вершинин, корреспондент

Не зажившая боль

Ветераны металлургического завода хорошо знают работника отдела снабжения Евгения Семеновича Мехрякова. Для этого человека не существовало невыполнимых заданий, как бы трудны они ни были. Будучи пенсионером, Евгений Семенович продолжает служить Лысьве и родной деревне Мехряково, многим другим деревням, порушенным в лихолетье сталинской коллективизации. Память о горьких годах не дает покоя. Вот поэтому при непосредственном участии Евгения Семеновича у обочины трассы Кунгур-Соликамск появились памятники жителям деревень Лязгинского сельсовета, погибшим в годы Великой Отечественной войны, и жертвам сталинских репрессий. Он с благодарностью откликнулся на публикации о забытых деревнях в газете «ГородЪ» и стал еще одним деятельным моим помощником. Поистине богат наш край подвижниками!

Евгений Мехряков присутствовал на митинге в день освящения памятного знака, установленного на месте исчезнувшей деревни Веснино. Мне удалось записать на диктофон его выступление. Вот оно:

«Поначалу, после Октябрьской революции, крестьяне вроде бы обрадовались. Землю им дали. Дескать, мужики, трудитесь, хозяйствуйте, размножайтесь. И действительно, в деревнях стук топоров не прекращался - строили дома, дворы, конюшни, землю раскорчевывали, скот разводили.

У моих родителей было шесть коров, две лошади, овцы, куры, имелись косилка, жатка и прочий инвентарь. Так и семья была большая, отец с матерью да нас, детей, десятеро. Конечно, труду крестьянскому мы были приучены сызмалства - с таким хозяйством, подворьем надо же управляться! Я до сих пор помню клички наших буренок - Муська, Маруська, Пестрянка, Утка, Октябринка. Но пришло время "великой" сталинской коллективизации и раздался клич: "Все в колхоз!" У зажиточных, но наживших добро своим горбом крестьян, всё поотбирали. И у нас последнюю корову увели...

Знаю таких людей, которые и сейчас твердят: "Как хорошо жилось при Сталине!" А я говорю: "Будь он проклят!" Правда, в тридцатых годах за такие слова людей жизни лишали. Но, слава Богу, прошли те гнусные времена. Между тем, на местах насильственной коллективизацией занимались не приезжие посланцы, а наши же мужики, земляки. Приходит к нам Иван Михайлович Веснин: "Сдавайте корову в колхоз!". Многих деревенских мужиков он поразгонял, а потом и сам из Мехряково смотался. Еще один был "деятель" - Федор Мехряков - в Выломово жил, комсомольский вожак.

Не без их помощи власти отправили на выселки многих крестьян из нашей и окрестных деревень. За что? За одно то, что умели работать? Ни того, ни другого из тех "деятелей" сейчас уже нет на свете. И хоть о мертвых не положено плохо говорить, но и добрым словом помянуть язык не поворачивается. Ходили они по домам,

зачищали амбары, забирали последнюю горстку зерна для государства. А как семье дальше жить - это их не касалось. У кого находили припрятанный хлеб, тех - на выселки. У нас была ручная мельница (я её потом в музей сдал), вот на ней родители втихаря мололи зерно, подмешивали в мучицу картошку да мякину. Такой хлебушек и ели. Было мне в ту пору 5-6 лет, но в памяти те жуткие дни остались.

Наступил 1936 год: засуха, голод. За буханкой хлеба (я уже тогда в городе учился) ночами в очередях стояли. В десять часов вечера придешь к магазину, очередь займешь, а в двенадцать «пересчётка», и так через каждые два часа. В семь утра откроют магазин, а к девяти надо в школу бежать. Какие там занятия на голодный желудок да не выспавшемся? И зима в том году выдалась суровая. Начался падеж скота. Много пало коров и лошадей в деревнях Лязгинского сельсовета. К счастью, пережили. Зато весна была ранняя, а потом урожай хороший - природа отблагодарила людей за все страдания! Но опять установка товарища Сталина: "Никакой пощады врагам народа!" И таких добрых, работающих мужиков не стало... Андрей Фомич Мехряков, Тимофей Иванович Мехряков, отец Героя Советского Союза Николая Сергеева - Александр Кузьмич, Антониевский, бригадир Иван Николаевич Черепанов...

Многих в ту пору «почистили». Работяг в лагерях сгноили, а насадили пьяниц. Тут война началась. Как работалось тогда бабам и подросткам - об этом достаточно написано. Но ведь не кончились мытарства крестьян и после войны! Не случайно сельские парни, отслужив в армии, в колхоз старались не возвращаться. За 50-60 рублей снимали в городе квартиру, работали на заводе, но только подальше от колхозных трудовней. Где-то до середины пятидесятых годов сельских жителей вообще за людей не считали, паспортов не выдавали, из деревень не отпускали. Девчат чуть не поголовно отправляли на лесозаготовки. Женское ли это дело?

Как только девчонки ни ухитрились, чтобы вырваться из села! Помню Клавдию Выломову. Её никак не отпускали из колхоза. Тогда она договорилась с кем-то из знакомых парней ...сыграть будто бы свадьбу. И бражку поставили. И "горько, горько!" кричали. И поплясали. А получила справку, потом паспорт, и всё: «Я тебе не жена, ты мне не муж, я свободная». И в город подалась. Там работать устроилась и замуж, уже по-настоящему, за другого парня вышла.

А дальше-то как жили? Кому же в верхах пришла в голову мысль объединить мелкие колхозы? И тогда давай одна за другой исчезать с лица земли столетние деревни. Гриву, например, объединили с Большой Лысьвой. В деревню по разнарядке горкома партии отправляли активистов, чтоб руководили в новых колхозах. Одного из них я знал - Матвей Владимирович Пьянков. Так тот активист и лошадь не умел запрягать. Сколько раз он к моему отцу, жившему в Мехряково, "подъезжал": "Семен Яковлевич, у тебя сын в городе есть. Говорят, техникум закончил. Нельзя ли его в колхоз вернуть? Бригадиром бы поставили".

Отец меня предупредил, а я и без него решил: коли однажды удрал от колхозной жизни, в которой не видел просвета, нечего и возвращаться. Кстати, тот посланец из горкома тоже в колхозе долго не задержался - нашел «теплое» местечко на заводе. И не в простых рабочих ходил, а в начальниках. Короче, досталось бедной деревне сполна, под завязку. Чего стоили только одни налоги на молоко, масло, яйца и другую продукцию, произведенную частниками! Это же была натуральная обдираловка. Спасибо, что хоть теперь начали возрождать память об исчезнувших деревнях и их жителях. Вот за это низкий поклон. Ведь если забытые деревни вспомним, глядишь, и к ныне действующим, в которых еще теплится жизнь, у властей больше сочувствия будет».

